

ПСИХОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

УДК 316.6:159.9

Содержательная трансформация репрезентации «значимый Другой» в транзитивном обществе

Е. В. Рягузова

Рягузова Елена Владимировна, доктор психологических наук, доцент, заведующий кафедрой психологии личности, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н. Г. Чернышевского, rjaguzova@yandex.ru

Целью исследования, представленного в статье, является теоретическая рефлексия содержательной трансформации репрезентации «значимый Другой» в транзитивном обществе. Описаны основные атрибуты переходного общества (нестабильность, неопределенность, проектность, разнонаправленность, многовариантность, инновационность и др.), обозначающие институциональные и ценностные перемены, их необратимость, а также единство сохранения и отрицания правил, норм и ценностей, старого и нового миропонимания и миропорядка, их конфликтность и альтернативность. Анализируются особенности социализации личности в транзитивном обществе, выделяются сходство и различия в содержании, механизмах и детерминантах социализации. Акцентируется внимание на качественных изменениях в репрезентациях значимого Другого, представляющих собой результат взаимодействия личности с Другими, основанный не столько на перцептивных процессах, сколько на проживании и переживании ею определенного опыта и конструировании экзистенциальных смыслов. Обосновывается увеличение количества репрезентаций «значимый Другой» в современном обществе, обусловленное расширением коммуникативного пространства за счет тотальных глобализационных процессов, развития и распространения различных информационных технологий. Утверждается, что смысловое содержание репрезентации «значимый Другой», с одной стороны, расширяется, включая в себя больший круг представлений о значимых фигурах (знакомых и незнакомых в повседневной жизни, символических и виртуальных), разнообразие оценок и формируемого отношения к миру, Другим и себе, а с другой – редуцируется и схематизируется, распадаясь на отдельные слагаемые значимости (референтность, аттракция, власть), а иногда и обезличивается, теряя дескриптивные и оценочные атрибуты индивидуальности и уникальности. Прикладной аспект исследуемой проблемы заключается в возможности использования полученных теоретических обобщений в практике социально-психологического сопровождения личности в процессе ее социализации (в том числе цифровой) в современном транзитивном обществе.

Ключевые слова: транзитивное общество, социализация, Я – Другой, коммуникация, значимый Другой, медиазначимый Другой, интернет-знакомые незнакомцы, значимый незнакомый Другой.

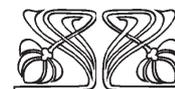
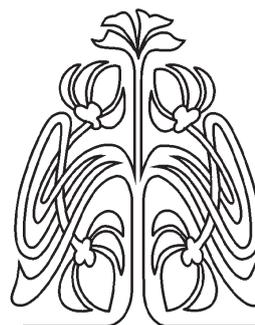
Поступила в редакцию: 12.03. 2020 / Принята: 25.06. 2020 / Опубликована: 30.09.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-3-241-248>

Введение

Современный мир стремительно изменяется и радикально трансформируется, наполняясь новыми знаниями, визуальными образами, цифровыми кодами и технологиями. Новые возмож-

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

ности, с одной стороны, обеспечивают более высокое качество жизни для тех членов общества, которые приняли этот транзитивный вызов, связанный с многовариантностью жизненного выбора, режимом постоянного перехода и частой модернизации. Однако, с другой стороны, люди, опирающиеся на традиционные адаптационные жизненные сценарии, проверенные алгоритмы действий, привычные способы оценки действительности, сталкиваясь с их неэффективностью и деструкцией, выпадают из актуального жизненного контекста, оставаясь фактически в роли «транзитных пассажиров» в транзитивном обществе.

Что составляет содержание социализации в транзитивном обществе? Какое психологическое сопровождение необходимо тем, кто готов к изменениям? Как помочь тем, кто не вписывается в рамки нового информационного контекста? Кто выступает значимым Другим в транзитивном обществе и какова специфика репрезентации значимых фигур? Теоретическая рефлексия ответов на некоторые из этих вопросов составляет цель и содержание данной статьи.

Характеристики транзитивного общества

Термин «транзитивный» появился в этнографии и использовался для обозначения перехода отдельного человека из одного состояния в другое, от одного социального положения к другому, одной социальной позиции к другой [1, с. 15].

Подобный переход всегда связан со сменой поведенческого рисунка личности и ее статусно-ролевого репертуара, активизацией новых когнитивных схем и категорий, рефигурацией доминантных ценностей, расширением зон ответственности, прав и ответственности, изменением взаимосвязи рисков и шансов, использованием другого стиля межличностной коммуникации и способов самопрезентации.

Перенос содержания понятия «транзигция» на все общество означает, что транзитивность есть характеристика переходной ступени развития социокультурной и политико-экономической системы того или иного общества. Заметим при этом, что, по мнению некоторых ученых [2], Россия перманентно находится в состоянии перехода, обусловленном ее пространственно-географическим положением, многообразием природно-климатических особенностей, неравномерностью и гетерохронностью развития отдельных территорий, многоэтничным и поликультурным составом населения.

Обобщая различные междисциплинарные исследования, выделим следующие основные характеристики транзитивного общества:

– нестабильность, неопределенность и неравномерность социальных процессов, смена

парадигм властвования и лидерства – от лидера-разрушителя до лидера-собирателя и лидера-созидателя [3];

– проектность, обусловленная тем, что любой переход может быть осуществлен только при наличии сценария будущего, цели, ориентира или заданности направления движения [4];

– альтернативность развития и множественность вариантов перехода [5];

– разнонаправленность, противоречивость и многообразие потоков информации, важность, значимость источника получения информации и его легитимность;

– амбивалентность типов мировоззрений в виде метафорической дихотомии «новое мышление», выступающей результатом внутренней деятельности личности, направленной на ее ориентацию в мире, самоопределение, активность, самостоятельность, рефлексивность, – и «старое мышление», опирающееся на «миф» [6], т. е. ценностное единообразие, стабильные знания и аксиомы, субъективно не требующие проверки и доказательств;

– многовариативность и релятивизм ценностей, множественность жизненных миров;

– значимость роли коммуникации, выступающей одним из параметров порядка [7];

– повышенная инновационная активность [5], направленная на конструирование перспективных моделей развития общества.

Приведенные атрибуты транзитивного общества, возможно, не составляющие полный и исчерпывающий перечень его основных характеристик, свидетельствуют о том, что сам термин «транзитивное общество» является скорее описательным, чем объяснительным конструктом. Он обозначает институциональные и ценностные перемены в становящемся, т. е. динамично и разновекторно развивающемся обществе, а также необратимость происходящих в нем изменений и трансформаций, единство сохранения и отрицания правил, норм и ценностей, старого и нового миропонимания и миропорядка, их конфликтность и альтернативность.

Специфика социализации в транзитивном обществе

Содержание, институты и детерминанты социализации в транзитивном обществе существенно изменяются и требуют специальной научной рефлексии [8].

Если взять за основу известное определение Г. М. Андреевой, то социализация – это двусторонний процесс усвоения и воспроизводства человеком многообразных социальных связей, ролей и отношений того общества, членом которого он является [9]. Благодаря социализации происходит интеграция человека

в систему социальных отношений, включение его в социальный мир, а также сохранение и поддержание социального порядка в обществе за счет активного воспроизводства принятых, интернализированных социальных норм, ролей и правил, презентации и трансляции доминирующих ценностей и установок.

Р. М. Шамионов совершенно обоснованно считает, что процесс усвоения имманентно предполагает не просто принятие социальных норм, правил и императивов общества, но и их включение, встраивание в целостную структуру личности, ее различные инстанции, регулирующие социальное становление и поведение личности. Более того, именно интрапсихические инстанции личности, иерархически организованные и динамично изменяющиеся под воздействием разного рода факторов и детерминант, ответственны за преобразование усваиваемого личностью социального опыта. Это обусловлено тем, что любое обретение в процессе социализации проходит своеобразную проверку на его валидность (пригодность) в контексте решения и выполнения личностью определенных задач, включая в том числе задачи взаимодействия с Другими и группами [10].

В транзитивном обществе усвоение накопленных знаний, опыта, культурных и нравственных ценностей, научных достижений и социальных конвенций на стадии первичной социализации, на которой происходит базовая подготовка к общественной жизни, существенно изменилось, поскольку трансформировалось содержание внешнего – предметного – и социального миров, однако механизмы включения в них остались практически теми же. Человек, попадая в мир, созданный и духовно обжитый Другими, принимает его квазиавтоматически [11], как данность, главным образом так, как его воспринимают, принимают и интерпретируют значимые Другие. Соответственно, он адаптируется и приспосабливается к этому миру, погружаясь в повседневную жизнь, постигая его этические, экономические и политические роли и отношения, овладевая доступной ему информацией и поведенческими алгоритмами, интегрируясь в социальную среду и формируя ее систему координат. Фактически, говоря словами К. Г. Юнга, происходит «посвящение личности во внешнюю действительность» [12], в которой человек учится быть как все, одним из многих, похожим на Других и в то же время отличным от них, постигая нормы, правила и стараясь находиться в их социально обозначенных границах. На этой стадии социализации важна роль Другого / Других, причем именно реальных значимых Других, выступающих в качестве своеобразных проводников в неизвестное и незнакомое,

от капитала вложений которых напрямую зависят сконструированный личностью базовый образ окружающего мира и локализация собственного места в нем, отношение к миру и Другим, рефлексия собственного Я и режимы взаимодействия с Другими. При этом важно не только наличие значимых Других, на чем акцентируют внимание практически все существующие теории социализации и развития личности, но и качественно-количественное разнообразие, согласованность и непротиворечивость репрезентаций значимого Другого, представляющих собой результат взаимодействия личности с Другими, основанный не столько на перцептивных процессах, сколько на проживании и переживании ею определенного опыта взаимодействия и конструировании экзистенциальных смыслов этого взаимодействия.

В этом контексте интересна теория широкой и узкой социализации как разных типов культурной социализации Дж. Арнетта [13], в рамках которой нет прямых указаний на значимого Другого или диаду Я – Другой, но фактически речь идет о важности интеракций личности с многоликими и многоголосыми Другими в процессе социализации. Узкая социализация связывается с трансляцией ограниченного диапазона поведенческих и когнитивных вариаций, включением небольшого числа институтов и агентов в процесс социализации, отсутствием широкого выбора примеров для подражания, что приводит к жесткому требованию точного соответствия культурным нормам и стандартам, позиционированию послушания и конформизма как доминантных ценностей культуры, недопущению разного рода девиаций. Широкая социализация предполагает охват большего количества социальных институтов и агентов, участвующих в социализации, что способствует усвоению расширенного репертуара социальных ролей и жизненных сценариев, вариативных поведенческих паттернов и своеобразных допустимых отклонений от нормативных предписаний. Соответственно, все перечисленное обуславливает для личности возможность выбора траектории собственного развития, проявление креативности, независимости и субъектности, а также доминирование в культуре ценностей самовыражения и индивидуализма. Отметим: Дж. Арнетт допускает возможность разных типов культурной социализации в рамках разных социальных институтов, что созвучно идеям Р. М. Шамионова о нелинейности процесса социализации, гетерохронности и диахронности его составляющих [10].

Увеличение количества Других как агентов социализации не ограничивается только расширением контактов с реальными Другими в социальном пространстве, поскольку в современном мире существенно возрастает роль цифровой реальности, медиа- и виртуальных коммуникаций

и взаимодействия. В связи с этим заслуживают внимания интересные выводы, которые делают современные исследователи относительно размеров персональной социальной сети. По некоторым данным она включает в себя приблизительно 150 значимых контактов, различающихся по субъективной важности и востребованности, а по другим данным минимальное число дружеских контактов в сети – 300 человек [14]. При этом все исследователи солидарны в том, что значительную долю круга общения составляют интернет-знакомые незнакомцы. Например, Г. У. Солдатова отмечает «значительное расширение круга социального капитала подростков за счет онлайн-контактов, в том числе слабых связей с “незнакомыми друзьями”, с которыми не было опыта общения в реальной жизни» [15, с. 73], а по мнению П. В. Кардон, у представителей коллективистских культур количество «виртуальных друзей» значимо больше [16].

Появление в круге значимых фигур знакомых незнакомцев, на наш взгляд, может быть объяснено по крайней мере тремя причинами. Первая из них – личностный поиск Я, своей самости и репликация себя в разных образах. Для личности, находящейся в процессе конструирования собственной идентичности и имеющей возможность и намерение экспериментировать с нею, легче презентировать новую конфигурацию своих интрапсихических свойств и качеств именно незнакомому человеку. Заметим, что личность может конструировать альтернативную идентичность [17] в интернет-среде на основе добровольного личного выбора, решая стоящие перед нею актуальные цели и задачи, руководствуясь внутренними мотивами и побуждениями, используя для этого иные стратегии самопрезентации, самопродвижения и самоконструирования. Это связано с тем, что у незнакомца, с которым у личности не было опыта взаимодействия «лицом к лицу» в повседневной жизни, отсутствует изначальный образ партнера по коммуникации и эмоционально-оценочное отношение к нему часто опосредовано различными эффектами социальной перцепции.

Вторая причина имеет отношение к аффилиативной потребности личности, ее желанию расширить имеющиеся контакты на основе общности взглядов и интересов. При этом коммуникация с незнакомым человеком в интернет-пространстве субъективно воспринимается как относительно безопасная, личность не оценивает ее как угрожающую собственной физической целостности, наоборот, чувствует себя защищенной и способной контролировать коммуникативную ситуацию, т. е. иметь возможность самостоятельно выйти из нее, прервав общение по своему желанию. Однако психологическая безопасность личности и ее психическое здоровье выступают своеобразными

кибермишенями в ситуации виртуального взаимодействия со «знакомым незнакомцем». Личность, вступая в интернет-коммуникацию, может столкнуться с деструктивным – сексуальным или экстремистским – контентом, распространяемым в сети, стать жертвой троллинга, кибербуллинга, попасть в ловушку, расставленную мошенниками и манипуляторами.

Третья причина заключается в субъективном стирании границ между реальным и виртуальным миром. Современные ученые вводят новый термин «phygital-мир», репрезентирующий объединение физического мира (Physics) и цифрового мира (Digital), акцентируя внимания на его своеобразии [18], риске подмены реального мира его репрезентациями [19], подчеркивая, что подобное объединение миров характерно, главным образом, для представителей цифрового поколения [20, 21].

Вместе с тем межличностная коммуникация в каждом из этих миров или в их интегрированном образовании отражает базовые характеристики связей и отношений, возникающих между людьми. В. И. Слободчиков и Е. И. Исаев, типологизируя разные варианты динамического межличностного взаимодействия, относят к характеристикам связей и отношений такие, как ситуативность / внеситуативность, свободный или навязанный характер [22, с. 160]. Исходя из этих характеристик (ситуативных, ролевых, позиционных, игровых) личность реализует тот или иной сценарий взаимодействия с Другим как партнером по коммуникации, детерминированный в большей степени этими характеристиками, а не фактором знакомства.

Особенности репрезентаций «значимый Другой» в транзитивном обществе

Интересно проанализировать новых виртуальных значимых Других в контексте трехфакторной модели значимого Другого, разработанной А. В. Петровским. Напомним, что он предложил интегральные основания межличностной значимости, отражающие формы метаиндивидуальной репрезентации значимого Другого в психике человека: аттракция как эмоциональный аспект идеальной представленности Другого; референтность как признание его внеролевого авторитета, акцентирование важности, ценности мнения как ориентира для принятия собственного решения; формальная власть как институализированная роль [23].

В виртуальном мире притягательность образа Другого в качестве одного из компонентов субъективной значимости существенно изменяется: внешность, «видимый человек» [24] – один из важных факторов актуализации симпатии в процессе непосредственной межличностной ком-

муникации – заменяется интересом к вербальным и визуальным текстам как знаковой манифестации личности, информации, поступающей от никнейма, аватара, заявленного статуса, лайков, репостов, ретвитов, фотовидеоматериалов и личной информации, представленной Другим, превращаясь тем самым в информационную привлекательность Другого. Соответственно, притягательность образа Другого в интернет-коммуникациях конструируется на интерпретативных и атрибутивных основаниях, т. е. фактически эмоционально привлекательный образ Другого в виртуальном пространстве формируется как симулякр – копия той копии, которую создал Другой, презентуя собственную «цифровую личность», желая с помощью этой самопрезентации произвести определенное впечатление на Другого / Других и, по сути, управлять или манипулировать этим впечатлением. Как показывают эмпирические исследования, направленные на изучение точности межличностного восприятия в контексте опосредованного знакомства в социальных сетях, сконструированный образ партнера характеризуется лишь нормативной, а не различительной точностью, отличается высокой степенью стереотипизации [25] и опосредован культурными рамками и кодами, прошлым опытом личности, ее атрибутивными и когнитивными схемами.

Отметим важный факт, что именно эти же основания задают и статусную позицию Другого в цифровом пространстве. С одной стороны, кажется, что параметр «Власть» не конституирует значимого Другого в виртуальной среде, поскольку в большинстве случаев там отсутствуют формально организованные группы, имеет место нивелирование статусов, нет предписанной системы вертикальных взаимоотношений и заданной расстановки социальных позиций и ролей, но с другой стороны, можно согласиться с мнением М. Ю. Кондратьева, который полагает, что при включении личности в любую неформальную группу ее статус определяется официальным положением в обществе [26, с. 25]. Получается, что это официальное положение либо переносится из пространства реальных коммуникаций и взаимодействия Я – Другой (если с Другим есть контакты в реальном мире и он знаком), либо атрибутируется на основании информации, представленной Другим (если контакт устанавливается в онлайн-коммуникациях и Другой выступает в качестве опосредованно знакомого человека).

Что касается авторитетности как одного из маркеров межличностной значимости Другого, то в виртуальном пространстве она также трансформируется, редуцируясь до информированности или в лучшем случае компетентности, а иногда приобретая форму самореферентности. Условный и игровой характер межличностного

взаимодействия в интернет-пространстве, множественность и текучесть коммуникативных контактов не предполагают короткого радиуса доверия и формирования устойчивого доверительного отношения к Другому, а именно доверие – априорная вера в силу, глубокие знания, взвешенные и обоснованные мнения, экспертные оценки – выступает основой авторитета. Кроме того, авторитет личности как ее символический капитал имеет тенденцию к накоплению, т. е. он формируется во временной развертке «прошлое – будущее» и обращен как к прошлым, так и будущим контекстам взаимодействия, тогда как большая часть сетевой коммуникации происходит в режиме «здесь и сейчас» и не предполагает длительных интеракций.

Вместе с тем, несмотря на трансформацию образа значимого Другого в виртуальном коммуникативном пространстве, можно констатировать его сохраняющуюся важную роль в процессах социализации и индивидуации личности, ее развития, роста и самодетерминации.

Заслуживает внимания использование в научной литературе нового термина – медиазначимые Другие [27], – содержание которого подчеркивает социализирующее влияние средств массовой коммуникации как важного современного института социализации, а их акторов как авторитетных агентов. Важным является то, что медиазначимые Другие не только транслируют актуальные нормы, установки, правила, ценности, но и предоставляют личности право самостоятельного выбора того или иного субъекта в качестве агента социализации с предписанным статусом значимого Другого, что, с одной стороны, способствует формированию и становлению субъектности, активности, самостоятельности, автономности личности, а с другой – приводит к повышению ее персональной ответственности за принятую траекторию и направление процессов социализации и индивидуации.

Аналогично меняется роль Другого, в том числе значимого, авторитетного Другого, в мире искусства (в большей степени представленного кинематографом, музыкой и отчасти литературой как наиболее в молодежной среде популярными его видами), в котором устанавливаются множественные полилогические смысловые связи и отношения с разнообразными Другими, репрезентированными автором как активатором и фасилитатором смысла произведения, исполнителем как его интерпретатором и транслятором, персонажем как видимым воплощением смысла и демонстратором моделей поведения, героем как этическим и аксиологическим стандартом современного общества. Безусловно, это не означает тотального повышения культурной компетентности всех представителей современного общества, а скорее, указывает на большую доступ-

ность некоторых видов культурной продукции, обусловленную развитием и распространением информационно-коммуникативных, компьютерных, цифровых, интернет-технологий и созданием разного рода мобильных технических устройств. Вместе с тем это свидетельствует о принципиально ином содержательном наполнении репрезентации «значимый Другой», которое характеризуется амбивалентностью, поскольку, с одной стороны, присутствуют количественное расширение репрезентаций «значимый Другой», их быстрая сменяемость и взаимозаменяемость, а с другой – имеет место сужение эмоционально-смысловой нагрузки репрезентации «значимый Другой».

Выводы

Транзитивность современного общества способствует существенной трансформации содержательного контента репрезентаций «значимый Другой». Выявляются главные взаимосвязанные тренды специфических изменений: тренд множественности и фрагментарности репрезентаций, обусловленный увеличением круга значимых лиц, участвующих в социализации личности, в том числе реальных и символических, непосредственно знакомых, медиазначимых Других и интернет-друзей; тренд неоднородности и гетерогенности репрезентаций значимого Другого, связанный с расширением сфер социализации, появлением новых институтов и агентов, частично нарушающих вертикальную трансмиссию межпоколенного опыта; тренд схематичности и стереотипности репрезентаций, отражающий своеобразную редукцию субъективной значимости Другого, ее распад на отдельные слагаемые – референтность, аттракцию, власть; тренд меньшей персонифицированности репрезентаций, опосредованный тем, что конструирование образа значимого Другого происходит в том числе на основе коммуникаций с интернет-знакомыми незнакомцами в безличной форме, при безусловной потере базовых дескриптивных и оценочных атрибутов индивидуальности и уникальности; тренд селективности, индивидуализации и субъективизации репрезентаций, проявляющийся в том, что личность имеет возможность самостоятельного выбора значимых и знаковых фигур и конструирования их репрезентаций; тренд текучести и сменяемости репрезентаций, характеризующийся их неопределенностью, неустойчивостью и ненадежностью.

Библиографический список

1. Геннеп А. ван. Обряды перехода : систематическое изучение обрядов. М. : Восточная литература, 1999. 198 с.
2. Воронина С. А. Теоретические перспективы транзитивного подхода к анализу ценностной трансформации
3. российский общества // В мире научных открытий. 2015. № 7.6 (67). С. 2236–2245. DOI: 10.12731/wsd-2015-7.6-5
4. Нарыкова С. П. Особенности осуществления власти в транзитивном обществе // Общество и право. 2013. № 2 (44) С. 256–260.
5. Федотова М. Г. К содержанию понятия «транзитивное общество» // Вестн. Вятского государственного гуманитарного университета. 2010. № 1 (4). С. 28–31.
6. Агранович В. Б. Транзитивный период развития общества и качество образовательных процессов // Инженерное образование. 2005. № 3. С. 158–163.
7. Леонтьев Д. А. Мировоззрение как миф и мировоззрение как деятельность // Менталитет и коммуникативная среда в транзитивном обществе / под ред. В. И. Кабрина и О. И. Муравьевой. Томск : Изд-во Томского государственного университета, 2004. С. 11–29.
8. Федотова М. Г. Роль коммуникации в транзитивном обществе // Вестн. Омского университета. 2011. № 3 (61). С. 53–56.
9. Дубовская Е. М. Транзитивность общества как фактор социализации личности // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. С. 7 [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 31.01.2020).
10. Андреева Г. М. Социальная психология : учебник. М. : Аспект Пресс, 2010. 362 с.
11. Шамионов Р. М. Социализация личности : системно-диахронический подход // Психологические исследования. 2013. Т. 6, № 27. С. 8. [Электронный ресурс]. URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения: 20.02.2020).
12. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М. : Медиум, 1995. 323 с.
13. Юнг К. Г. Архетип и символ. М. : Renaissance, 1991. 304 с.
14. Arnett J. J. Broad and Narrow Socialization : The Family in the Context of a Cultural Theory // Journal of Marriage and the Family. 1995. Vol. 57, № 3. P. 617–628.
15. Куликова А. В. Особенности интернет-коммуникаций // Вестн. Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия Социальные науки. 2012. № 4. С. 19–24.
16. Солдатова Г. У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме : изменяющийся ребенок в изменяющемся мире // Социальная психология и общество. 2018. Т. 9, № 3. С. 71–80. DOI: 10.17759/sps.2018090308
17. Cardon P. W., Marsall B., Valenzuela J. P. Online and offline social ties of social network website users : An exploratory study in eleven societies // Journal of Computer Information Systems. 2009. Vol. 50, № 1. P. 54–64. DOI: 10.1080/08874417.2009.11645362
18. Войскунский А. Е., Евдокименко А. С., Федунина Н. Ю. Альтернативная идентичность в социальных сетях // Вестн. Московского университета. Серия 14. Психология. 2013. № 1. С. 66–83.
19. Мамина Р. И., Толстикова И. И. Phygital поколение в условиях свободной глобальной коммуникации // International Journal of Open Information Technologies. 2020. Т. 8, № 1. С. 34–41.

19. Бауман З. Ретротопия / пер. с англ. В. Л. Силаевой ; под науч. ред. О. А. Оберемко. М. : ВЦИОМ, 2019. 160 с.
20. Палфри Дж., Гассер У. Дети цифровой эры / пер. Н. Г. Яцюк. М. : Эксмо, 2011. 368 с.
21. Стиллман Д., Стиллман Дж. Поколение Z на работе. Как его понять и найти с ним общий язык / пер. Ю. Кондукова. М. : Манн, Иванов и Фербер, 2018. 272 с.
22. Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Основы психологической антропологии. Психология человека : Введение в психологию субъективности : учеб. пособие для вузов. М. : Школа-Пресс, 1995. 384 с.
23. Петровский А. В. Трехфакторная модель значимого другого // Вопр. психологии. 1991. № 1. С. 8–18.
24. Лабунская В. А. «Видимый человек» как социально-психологический феномен // Социальная психология и общество. 2010. Т. 1, № 1. С. 26–39.
25. Белинская Е. П., Бронин И. Д. Точность межличностного восприятия в условиях опосредованного знакомства в социальных сетях // Социальная психология и общество. 2015. Т. 6, № 4. С. 91–108. DOI: 10.17759/sps.2015060407
26. Кондратьев М. Ю. «Значимый другой» : слагаемые межличностной значимости // Социальная психология и общество. 2011. Т. 2, № 2. С. 17–28.
27. Захаркин Р. А. Роль значимых Других и медиа значимых Других в процессе вторичной социализации // Общество : социология, психология, педагогика. 2018. № 2. С. 41–44. DOI: 10.24158/spp.2018.2.7

Образец для цитирования:

Рязузова Е. В. Содержательная трансформация репрезентации «Значимый Другой» в транзитивном обществе // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Акмеология образования. Психология развития. 2020. Т. 9, вып. 3 (35). С. 241–248. DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-3-241-248>

Content Transformation of the “Significant Other” Representation in a Transitive Society

Elena V. Ryaguzova

Elena V. Ryaguzova, <https://orcid.org/0000-0003-2079-690X>, Saratov State University, 83 Astrakhanskaya St., Saratov 410012, Russia, rjaguzova@yandex.ru

The purpose of the study presented in the article is theoretical reflection on the meaningful transformation of the “Significant Other” representation in a transitive society. It describes the main attributes of a transitional society (instability, uncertainty, projectivity, multidirectionality, multivariability, innovativeness, etc.), indicating its institutional and value-related changes, their irreversibility, as well as unity of preservation and negation of rules, norms and values, old and new worldviews and world orders, their conflict and alternativeness. The study analyses features of personal socialization in a transitive society, highlights similarities and differences in the content, mechanisms and determinants of socialization. The author’s attention is focused on qualitative changes in the representations of Significant Other, which are the result of individual’s interaction with the Others, based not so much on perceptual processes, but rather on living and experiencing certain experiences and constructing existential meanings. It substantiates the increase in the number of representations of “Significant Other” in the modern society, due to expansion of communicative space, total globalization processes, development and dissemination of various information technologies. It is argued that meaningful content of the representation of “Significant Other”, is, on the one hand, expanding, including a wider range of ideas about significant figures (familiar and unfamiliar in everyday life, symbolic and virtual), a variety of assessments and established relations to the world, Others and oneself, while, on the other hand, it is reduced and schematized, broken up into separate components of significance (referentiality, attraction, power), and sometimes depersonalized, losing the descriptive and evaluative attributes of individuality and uniqueness. The applied aspect of the problem under study is the possibility of using the obtained theoretical generalizations in the practice of socio-psychological support of a person in the process of socialization (including digital socialization) in a modern transitive society.

Keywords: transitive society, socialization, I – Other, communication, Significant Other, media significant Other, Internet-familiar strangers, significant unfamiliar Other.

Received: 12.03.2020 / Accepted: 25.06. 2020 / Published: 30.09.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

References

1. Gennep A. van. *Obryad perekhoda: sistematicheskoe izuchenie obryadov* [Rite of passage: a systematic study of rites]. Moscow, Vostochnaya literature Publ., 1999. 198 p. (in Russian).
2. Voronina S. A. Theoretical prospects of transitive approach to the analysis of valuable transformation of the Russian society. *In the World of Scientific Discoveries*, 2015, no. 7.6 (67), pp. 2236–2245 (in Russian). DOI: 10.12731/wsd-2015-7.6-5
3. Narykova S. P. Features of implementation of the power in transitive society. *Society and Law*, 2013, no. 2 (44), pp. 256–260 (in Russian).
4. Fedotova M. G. The subject of the concept «transitive society». *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo humanitarnogo universiteta* [Herald of Vyatka State University], 2010, no. 1 (4), pp. 28–31 (in Russian).
5. Agranovich V. B. Transitive period of development of society and the quality of educational processes. *Inzhenernoe obrazovanie* [Engineering education], 2005, no. 3, pp. 158–163 (in Russian).
6. Leont’ev D. A. Worldview as a myth and worldview as an activity. In: V. I. Kabrin, O. I. Murav’eva, eds. *Mentalitet i kommunikativnaya sreda v tranzitivnom obshchestve* [Mentality and communication environment in a transitive society]. Tomsk, Izd-vo Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, 2004, pp. 11–29 (in Russian).
7. Fedotova M. G. The role of communication in a transitive society. *Herald of Omsk University*, 2011, no. 3 (61), pp. 53–56 (in Russian).

8. Dubovskaya E. M. Transitive society as a factor of personality socialization. *Psichologicheskie Issledovaniya*, 2014, vol. 7, no. 36, p. 7. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 31 January 2020) (in Russian).
9. Andreeva G. M. *Social'naya psihologiya* [Social Psychology]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2010. 362 p. (in Russian).
10. Shamionov R. M. Socialization of personality: systematic-diachronic approach. *Psichologicheskie issledovaniya*, 2013, vol. 6, no. 27, p. 8. Available at: <http://psystudy.ru> (accessed 20 February 2020) (in Russian).
11. Berger P., Lukman T. *Social'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality] Moscow, Medium Publ., 1995. 323 p. (in Russian).
12. Yung K. G. *Arhetip i simvol* [Archetype and symbol]. Moscow, Renaissance, 1991. 304 p. (in Russian).
13. Arnett J. J. Broad and Narrow Socialization: The Family in the Context of a Cultural Theory. *Journal of Marriage and the Family*, 1995, vol. 57, no. 3, pp. 617–628.
14. Kulikova A. V. Features of Internet communications. *Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod*, 2012, no. 4, pp. 19–24 (in Russian).
15. Soldatova G. U. Digital socialization in the cultural-historical paradigm: a changing child in a changing world. *Social Psychology and Society*, 2018, vol. 9, no. 3, pp. 71–80 (in Russian).
16. Cardon P. W., Marsall B., Valenzuala J. P. Online and offline social ties of social network website users: An exploratory study in eleven societies. *Journal of Computer Information Systems*, 2009, vol. 50, no. 1, pp. 54–64. DOI: 10.1080/08874417.2009.11645362
17. Vojskunskij A. E., Evdokimenko A. S., Fedunina N. Yu. Alternative identity in social networkers. *Moscow University Psychology Bulletin*, 2013, no. 1, pp. 66–83 (in Russian).
18. Mamina R. I., Tolstikova I. I. Phygital generation in free global communication. *International Journal of Open Information Technologies*, 2020, vol. 8, no. 1, pp. 34–41 (in Russian).
19. Bauman Z. *Retrotopiya* [Retrotopia]. Sci. ed. O. A. Oberemko. Moscow VTsIOM Publ., 2019. 160 p. (in Russian).
20. Palfri J., Gasser U. *Deti cifrovoj ery* [Digital age children]. Moscow, Exmo Publ., 2011. 368 p. (in Russian).
21. Stillman D., Stillman J. *Pokolenie Z na rabote. Kak ego ponyat' i nayti s nim obshchiy yazyk* [Gen Z@ Work: How the Next Generation is Transforming the Workplace]. Moscow, Mann, Ivanov i Ferber Publ., 2018. 272 p. (in Russian).
22. Slobodchikov V. I., Isaev E. I. *Osnovy psichologicheskoy antropologii. Psikhologiya cheloveka: Vvedenie v psikhologiyu sub"ektivnosti: uchebnoe posobie dlya vuzov* [Fundamentals of psychological anthropology. Human Psychology: An Introduction to the Psychology of Subjectivity. Textbook for universities]. Moscow, Shkola-Press Publ., 1995. 384 p. (in Russian).
23. Petrovskiy A. V. Three-factor model of a significant other. *Voprosy psikhologii*, 1991, no. 1, pp. 8–18 (in Russian).
24. Labunskaya V. A. "Human visible" as a sociopsychological phenomenon. *Social Psychology and Society*, 2010, vol. 1, no. 1, pp. 26–39 (in Russian).
25. Belinskaya E. P., Bronin I. D. Accuracy of Interpersonal Perception in Mediated Contacts in Social Media. *Social Psychology and Society*, 2015, vol. 6, no. 4, pp. 91–108 (in Russian). DOI: 10.17759/sps.2015060407
26. Kondrat'ev M. Yu. "Significant Other": Components of Interpersonal Significance. *Social Psychology and Society*, 2011, vol. 2, no. 2, pp. 17–28 (in Russian).
27. Zakharkin R. A. The role of significant Others and media significant others in the process of secondary socialization. *Society: Sociology, Psychology, Pedagogics*, 2018, no. 2, pp. 41–44 (in Russian). DOI: 10.24158/spp.2018.2.7

Cite this article as:

Elena V. Ryaguzova. Content Transformation of the "Significant Other" Representation in a Transitive Society. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. Educational Acmeology. Developmental Psychology*, 2020, vol. 9, iss. 3 (35), pp. 241–248 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/2304-9790-2020-9-3-241-248>
